

Говорят, на съемках «Пьесы для пассажира» ассистент режиссера попросил Сергея Маковецкого вспомнить, как он был одет две недели назад. Маковецкий беспечно ответил: «Спросите у Леночки». Ассистент так и сделал. Леночка — жена Сергея — тотчас же обстоятельно и подробно рассказала, какого цвета была на Сереже рубашка, сколько пуговиц не застегнуто, продемонстрировала степень его небритости на тот момент и расстановку света на площадке. Ассистент был удовлетворен, но ошарашен.

-Лена, это правда или уже легенда?
— Это очень похоже на правду.

— У меня такое ощущение, что ты — мечта любого мужчины: одновременно мама, жена, любовница, подруга, менеджер, редактор и специалист по связям с общественностью.

— Просто, наверное, мы не два человека, а один. Хотя это не значит, что мы одинаково ко всему относимся. Сережа, например, абсолютно не обращает внимания на сплетни, а я от них захожусь. Когда его нет рядом, меня просто начинает крутить до боли в костях. У него, наверное, то же самое. Поэтому он звонит мне раз пять в день, где бы ни находился. Если не звонит, значит, что-то случилось. Как-то из Парижа не звонил целых восемь дней. Я с трудом дозвонилась до знакомых французов, узнала, что он жив и здоров, и решила, что он женился — другого объяснения просто не могла придумать. Когда же пришла его встречать в аэропорт и увидела, что на пальце у него нет обручального кольца, чуть не потеряла сознание.

А оказалось, что его ограбили в первый же день приезда в Париж и он просто боялся мне об этом сказать.

— Лена, а как же при такой чувствительности ты относишься к его поклонникам?

— Замечательно. Они мне даже нравятся. Звонят. Приходят. Одна, например, целый год ходила на все спектакли, сидела на одном и том же ряду, дарила цветы, подарки. Только однажды попросила Сережу проводить ее до троллейбуса и... предложила себя в жены. Сережа деликатно отказался. Несколько дней ее не было. Потом появилась. На том же месте. С большущим букетом. Только подарила его Сергею Виноградову.

— Сергей, ты всегда открыт для общения?

— Иногда слишком открыт, а это неправильно. Эта открытость позволяет людям делать какие-то выводы по моему поведению ничего в сущности обо мне не зная. Хочется, чтобы была какая-то тайна. Как-то про меня статью написали под названием «О, счастливчик!». Я сначала подумал: «Не фигу себе счастливчик!» А потом решил, что это здорово, пусть все так и думают.

— А ты сам про себя что-нибудь когда-нибудь сочинял?

— Был грех. В этом году на «Кинотавре» сидели мы очень славной компанией, и я вдруг решил показать свою фотографию из журнала. Меня спросили: «Что это?» Я отвечаю: «Фотография из журнала». Через некоторое время снова:

«Что это?» И тут я совершенно неожиданно для себя говорю: «Кадр из фильма». — «А у кого ты снимаешься?» — «У Тарантино». — «А кого играешь?» Говорю, конечно, главную роль играет Траволта, но у меня тоже хорошая, хоть и небольшая, роль французского эмигранта. Они говорят: «Ты же языка не знаешь». А я в ответ: «Я так им понравился, что мне даже предоставили переводчика. Только это все строго между нами». Они покивали: могила, мол. На следующий день несколько журналистов попросили меня поподробнее рассказать о съемках у Тарантино. Даже в каком-то журнале информация прошла. Что это было? Я ведь не хотел ничего придумывать, более того, в жизни ничего про себя не придумывал. А тут — столько деталей насочинял, что сам себе удивился.

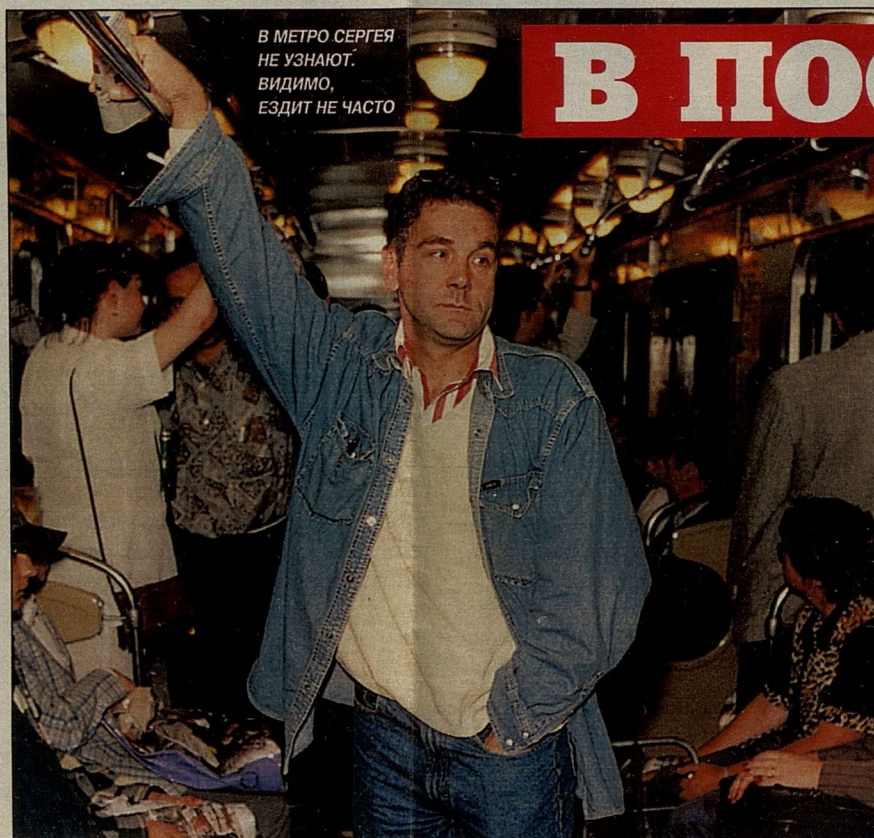
— А помнишь ли тот момент, когда понял, что ты не просто идешь по улице, а идешь по улице, где тебя узнают?

— Конечно, помню. Потому что это совсем недавно произошло — году в 94-м. После «Макарова». Раньше просто спрашивали, не артист ли я. Теперь — по фамилии называют. Конечно, было обидно — работаешь, работаешь, вроде бы все хорошо, а не замечают, и все тут. Как будто шоры на глазах... Лена очень расстраивалась, что нас в ресторан Дома кино не пускают. Однажды после просмотра черного материала «Патриотической комедии» мы с женой после каких-то мелких, но обидных недоразумений все-таки попали в ресторан, се-

МАКОВЕЦКОМУ

ПОДАЮТ КОФЕ

В ПОСТЕЛЬ

В МЕТРО СЕРГЕЯ НЕ УЗНАЮТ. ВИДИМО, ЕЗДИТ НЕ ЧАСТО

ли за столик, и я в сердцах сказал: «Когда же придет эта известность?», имея в виду этот самый неподдающийся ресторан Дома кино. А Лена вдруг сказала: «Ты уже сейчас известен, только об этом еще никто не знает. Узнают через полгода». И точно — через полгода все изменилось. Очень приятно, когда тебя узнают. Иногда даже помогает...

— Скажи, пожалуйста, а как ты ухитрился избавиться от украинского говора? Людмиле Марковне Гурченко до сих пор это не удалось.

— А у меня не было никогда говора, вот буквы некоторые плохо произносил — «с», «з», «ц»... Поэтому говорили, что у меня чудовищная дикция. Видно, кто-то там свыше знал, что я буду учиться и

жить в Москве, вот он и постарался... Хотя иногда в спектаклях в речи вдруг проскакивает «ридна Украина».

— *А в Киеве кто-то остался сейчас?*

— Мама. За то, что она всю свою жизнь отдала этому государству и заводу «Вулкан», получает сейчас пенсию аж в сорок гривн. Это, наверное, около сорока долларов.

Папу я никогда не видел. То есть знаю, что он живет где-то под Киевом, что у него семья, две дочки, что сын умер после Чернобыля. Знаю, что очень похож на него... Только один раз в жизни я разговаривал с ним по телефону. Совсем недавно — месяца два назад. Позвонил маме, а она вдруг трубку передала. Слышу, мужской голос говорит: «Але. Здравствуй. Это Вася». Я обалдело спрашиваю: «Какой Вася?» А он отвечает: «Твой отец!». Я почему-то сказал: «Ну хорошо, вот приеду в Киев, тогда поговорим». Самому удивительно стало: а что это у меня ничего не екнуло, что же это я так спокоен? А потом решил, что правильно — тридцать восемь лет не слышал его, трудно как-то адекватно на это среагировать. Хотя увидеть его хочется — посмотреть на себя со стороны. Я в Киев люблю приезжать, пройтись по Крещатику, где все так неторопливо прохаживаются, вразвалочку. Я ведь по-прежнему не москвич, хотя и живу в Москве уже двадцать лет. Люблю неторопливый ритм, как в песнях украинских, поскольку воспитывался в деревне.

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ
«ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО»

девали, и платок — обмануть меня им не удавалось. И вот, чтобы я не умер с голоду, мама отправила меня в деревню, к тете Лиде, которая только что родила моего двоюродного брата Юрку. Я там тут же начал лопать за милую душу. Каждое лето по три месяца жил в деревне. Отсюда, наверное, и мой консерватизм. Хотя нет, в одежде, в прическах я очень даже новатор. Однажды подстригся практически «налысо», чубчик, правда, небольшой оставил, и поехал встречать Лену в аэропорт. Она меня увидела — и в слезы. Я спрашиваю: «Леночка, что ты так расстроилась?» А она говорит: «Я в

— *А как у вас распределяются роли в семье? Лена — ваша общая мать со всеми вытекающими из этого последствиями?*

— Мы просто обязаны ей помогать. Но мы с Дениской немножко эгоисты и у нас не всегда получается. И потом, хорошо, когда за тобой ухаживают. Я терпеть, например, не могу проснуться — и сразу за работу. Боже упаси! Я люблю проснуться, не торопясь открыть глаза, включить телевизор, кофе выпить в постели...

— *Неужели Лена и кофе в постель приносит? А если ты раньше проснешься?*

— Тогда я ей — кофе в постель. Кто раньше встает, тот и кофе готовит.

— *Может, ты и готовить умеешь?*

— Теоретически — да. Потому что, когда Лена готовит, я расчищаю ей площадку. Я очень хороший подсобный рабочий. Я стирать, например, могу...

— *У меня такое ощущение, что вы с Леной практически не расстаетесь.*

— Да, при любой возможности ездим вместе.

— *А не надоели вы друг другу за это время? Хочется, наверное, каких-то новых ощущений...*

— А у нас каждая поездка — как новый медовый месяц. Для того чтобы семейная жизнь не превратилась в рутину, нужно часто уезжать вместе в какое-нибудь сумасшедшее место. Год назад, например, мы были в раю. Правда. По ходу сюжета фильма «Стасик плюс Виктория» нужно было отснять рай. Вот мы и поехали на Мальдивы. У нас был дом на берегу океана. Пальмы, песок, разноцветные рифы, диковинные рыбы, изумрудно-перламутровая вода...

— *Прямо как в сказке.*

— Но это не Тарантино. Это правда.

Вера ЖЕЛТОВА

НА ВСЕ РУКИ МАСТЕР.
ОДНИМ СЛОВОМ, АРТИСТ

— *Глядя на тебя, трудно поверить, что ты ходил босиком...*

— Доил коров...

— *Ну уж нет. Можно представить, что ты жил в глубокой провинции, но по ночам читал стихи и философские трактаты, и никаких коров поблизости не было.*

— Значит, притворился хорошо... А если серьезно, то я родился в бараке — тогда еще в Дарнице не было настоящих домов. Нас родилось сразу трое — я, Гришка и Славик. Наши мамы работали в разные смены и по очереди с нами оставались — кормить. С мамой все было нормально, но без нее я только орал до посинения, а еду из чужих рук брать отказывался. Что только не делали теть Люба и тетя Дуся — и мамину кофту на

самолете всем рассказывала, что у меня муж — актер, красавец, а тут выхожу и вижу: уголовник какой-то, жлоб».

— *А как твой «консерватизм» проявляется в отношениях с Денисом? Он ведь по молодости, наверное, гораздо более экстравагантен?*

— Мы с Денисом познакомились, когда ему было лет восемь. Сейчас ему двадцать три, и он единственный серьезный человек в семье — работает в банке. Он меня называет Сережей. И хотя у него есть собственный отец, я его отец тоже. Мы очень дружим семьями, и, когда Денис решил креститься, он попросил, чтобы Наташа — жена его отца — и я стали его крестными родителями. Так что у него теперь четверо родителей.

ЛЕНОЧКА
С МУЖЕМ:
СЕМЕЙНАЯ
ИДИЛЛИЯ

